

Глава 8

На следующее утро Лу Чуань поднялся на час раньше обычного: он решил, что пришло время всерьез заняться своим телом и увеличить нагрузку.

Умывшись и переодевшись в короткий тренировочный халат, не стесняющий движений, он отправился на пробежку вокруг деревни. И хотя он встал ни свет ни заря, с истинными сельскими жителями соперничать не мог. Те поднимались с первыми лучами солнца: нужно было кормить птицу, присматривать за посевами, идти в горы за хворостом или дикими травами — дел в деревне всегда хватало.

Потому сегодня многие жители Хуаси, пропалывавшие сорняки на полях или стиравшие белье у реки, с удивлением наблюдали, как обычно нелюдимый Учёный Лу нарезает круги по окрестностям. Люди лишь недоуменно переглядывались, не понимая, какая муха его укусила.

Пробежав около пяти километров, юноша вернулся во двор своего дома — взмокший, задыхающийся и совершенно обессиленный. Тело пронзал жар, но он не рискнул умываться холодной водой, лишь насухо вытерся чистым полотном.

«Слишком слаб, — с досадой подумал он. — Каких-то пять километров, а я уже едва дышу»

В прошлой жизни он легко преодолевал вдвое большее расстояние и при этом лишь слегка сбивал дыхание. Немного отдохнув, Лу Чуань принялся за армейский рукопашный комплекс. Практика тайцзицюань была хороша, но слишком мягка для его нынешних целей — ему нужна была жесткая закалка.

Закончив упражнения, он быстро сполоснулся в купальне, сменил одежду на привычный длинный халат и уже собрался было уходить, как за воротами послышался голос старосты. Лу Чуань поспешил открыть. Старик Чэнь, не тратя времени на пустые приветствия, сразу перешел к делу.

— Паренек Чуань, стряслось чего? — спросил он. — Ты не таись, скажи прямо. Если беда какая — всем миром решим.

Хозяин дома замер в недоумении, не понимая, к чему клонит гость. Он нахмурился, тщетно пытаясь вспомнить, не совершил ли чего предосудительного.

— Дядя Чэнь, у меня всё в порядке. С чего вы это взяли?

Староста посмотрел на него с сомнением, явно полагая, что юноша просто скромничает или боится просить о помощи.

— Раз всё в порядке, чего ж ты тогда с самого утра вокруг деревни бегаешь как ошпаренный?

Оказалось, односельчане уже успели донести старосте о странном поведении сюэя. Деревенские всерьез опасались, не повредился ли их ученый сосед рассудком после неудачи на экзаменах. Дядя Чэнь не на шутку встревожился: последние дни Лу Чуань казался вполне разумным, и вот те на — такие новости.

— Ах, вы об этом... — Лу Чуань невольно улыбнулся. — Просто я понял, что здоровье моё никуда не годится. Решил укрепить тело. Будь я покрепче, не свалился бы в обморок прямо в экзаменационной ячейке.

Государственные экзамены требовали не только острого ума, но и недюжинной выносливости. Девять дней и шесть ночей в тесном закутке — испытание, после которого даже здоровые люди слегали в лихорадке, что уж говорить о хилом прежнем владельце этого тела. Кэцзюй был своеобразным ситом: империи нужны были чиновники, способные работать, а не те, кто испустит дух при первой же трудности.

Староста облегченно выдохнул: главное, что парень не помешался. А затем его глаза радостно блеснули. Раз Учёный Лу решил укреплять здоровье ради будущих экзаменов, значит, он вовсе не забросил путь к знаниям! Дядя Чэнь взволнованно схватил его за руку:

— Я знал, знал, что ты не сдашься! Пусть сейчас ты служишь бухгалтером ради куска хлеба, но в душе всё равно стремишься к великой цели. С таким усердием ты непременно добьешься успеха!

На самом деле Лу Чуань и не помышлял об экзаменах. У него не было и доли тех знаний, которыми обладал оригинал, и в экзаменационном зале он не смог бы написать и строчки. Легенда о подготовке к кэцзюю была лишь удобным прикрытием, позволяющим избежать лишних вопросов.

— Не волнуйтесь так, — уклончиво ответил он. — Сейчас для меня главное — встать на ноги, а учеба... учеба подождет.

Старик посмотрел на него с нерешительностью, но всё же решился заговорить:

— Паренек Чуань, ты помнишь, о чем мы толковали в прошлый раз?

Лу Чуань озадаченно моргнул. Собеседник столько всего ему наговорил, что упомнить всё было невозможно.

— Я о женитьбе, — продолжил дядя Чэнь. — Теперь не только наши деревенские богатеи спрашивают, но даже из города люди интересовались. Неужто у тебя совсем сердца нет ни к кому? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Хорошая родня со стороны жены — это подспорье. Тебе тогда и о плате за обучение горевать не придется.

Староста с надеждой заглянул юноше в глаза. Деревня не могла содержать своего ученого вечно, но если его возьмет на поруки зажиточная семья, он всё равно останется их, хуасиским, человеком. Однако Лу Чуань на этот раз ответил твердо и даже сурово. Он заявил, что настоящий мужчина должен прокладывать путь своими силами, а не цепляться за подол жены, пользуясь милостью тестя. Речь его была столь убедительной и благородной, что старосте стало неловко за свои слова, и он поспешил откланяться.

Когда старик ушел, Лу Чуань остался стоять на месте, прижав руку к груди. На самом деле он вовсе не был против безбедной жизни — он только и мечтал о том, чтобы лечь на дно «соленой рыбой», но обстоятельства упрямо гнали его на работу. Впрочем, к «бесплатному хлебу» у него были свои требования: он согласился бы на него только в том случае, если бы искренне полюбил человека.

В памяти невольно всплыл образ прекрасного юноши из чайной.

«Вот если бы это был он... — промелькнула дерзкая мысль. — Тогда я бы, пожалуй, с радостью принял такую судьбу»

В город Лу Чуань прибыл раньше обычного. Позавтракав уличными вонтонами, он не пошел сразу в чайную, а немного поколебавшись, заглянул в кондитерскую лавку и купил пакет изысканных сладостей.

В лавке все уже были заняты уборкой. Лай Фу усердно протирал столы. Лу Чуань протянул ему сверток:

— Лай Фу, угощайся.

Паренек отложил тряпку, быстро вытер руки об одежду и, схватив пирожное, с наслаждением зажмурился.

— Как вкусно! Господин Лу, а вы почему не едите?

— Ешь сам, это специально для тебя, — покачал головой Лу Чуань.

Лай Фу замер от удивления. Это были сладости из павильона Фулу — удовольствие не из дешевых, стоят не меньше сотни вэней. «Специально для него?» Паренек сообразил мгновенно.

— Хотите о чем-то спросить? — хитро прищурился он. Лай Фу был племянником управляющего Чжана и в чайной пользовался особым положением.

Лу Чуань неловко кашлянул и улыбнулся:

— Говорят, братец Лай Фу знает всё обо всём. Мне бы хотелось узнать, кто тот гээр, что был здесь вчера?

Он понимал, что между ними пропасть, но всё же не мог унять любопытства. Лай Фу, несмотря на юный возраст, крутился в чайной уже несколько лет. Он знал почти всё, что происходило в столице, к тому же дядя Чжан часто просвещал его насчет знатных семейств, чтобы племянник ненароком не оскорбил кого-нибудь важного. Просьба Лу Чуаня не была сложной, так что паренек со спокойной душой продолжил жевать.

— Вчерашний гость — гээр из поместья хоу Юннина. Помните, недавно весь город гудел о свадьбе господина Ляня и дочери заместителя министра чинов?

Лу Чуань кивнул. Это было первое торжество, которое он увидел, едва прибыв в столицу. Свадьба была поистине роскошной.

«Неужели...»

— Именно! Вчерашний юноша — тот самый гээр, с которым Лянь Инцзе разорвал помолвку! А тот офицер, что вошел позже — его второй брат, командующий Командования пяти городских округов. Если бы не он, я бы и не узнал, что перед нами сам Се Нин из дома хоу.

Лай Фу явно наслаждался ролью рассказчика. Обычно он не откровенничал с другими слугами, но его собеседник был человеком немногословным и в сплетни не лез, так что ему можно было доверять.

— Раньше этот господин часто заходил к нам послушать Господина Жунчжая, но в последние месяцы его почти не видели. Вчера Жунчжай начал новую историю, вот он и пришел... Кто же знал, что всё так обернется.

— Расскажи, что это за семья? — попросил Лу Чуань. — Они очень влиятельны?

— А как же! Двенадцать лет назад его отец разгромил северных жунов, за что покойный император пожаловал ему титул хоу Юннина. Старший брат — полковник в Северном военном лагере, а второй — командующий в столице. Знатнее некуда.

— Если семья Се столь могущественна, почему господин Лянь разорвал помолвку?

Лай Фу огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, прошептал:

— В нашей империи гражданские и военные чины — как кошка с собакой. Господин Лянь — ученый, гражданский чиновник. Женись он на сыне хоу, его бы тут же причислили к военному лагерю и затравили. Военные продвигаются заслугами в битвах, а что на поле боя делать книжнику?

Всё встало на свои места. Рассказы о том, что гээр не может быть главной женой, были лишь ширмой — ведь Лянь знал, на ком сватается. Всё упиралось в жажду власти и карьеры.

— Жаль только самого юношу, — вздохнул Лай Фу. — Он ведь ждал, пока этот Лянь сдаст экзамены, и так дотянул до восемнадцати лет. Теперь, после разрыва, он считается «старым гээр». Знатные семьи присылают сватов только чтобы взять его наложником, а простых проходимцев маркиз сам за порог выставляет.

Лу Чуаню стало больно за Се Нина. В его родном мире восемнадцать лет — начало жизни, расцвет юности, но в Великой Ань этот юноша уже считался едва ли не бракованным товаром. А затем он подумал о себе. Попробуй он сейчас посвататься — не стал ли бы он в глазах семьи Се таким же «проходимцем»?

Он горько усмехнулся и постарался выкинуть эти мысли из головы.

Поместье хоу Юннин.

— Вон! Вышвырнуть их вместе с их подачками! Решили, что мы нищие и нас можно купить жалкими безделушками?! Совсем страх потеряли! — Мать Се, разгневанная до предела, сидела в парадной зала. Её невестка, госпожа Чжан, поспешно подошла к ней, поглаживая по спине, чтобы успокоить.

— Матушка, не гневайтесь так. Раз они посмели так пренебречь нашим домом, отец не оставит это просто так.

Вчера Се Нин, вернувшись, ничего не сказал матери о случившемся, не желая её расстраивать. Он даже строго-настрого запретил Бай Юю и Хэ Хуа открывать рот. К несчастью, он не успел договориться со вторым братом. Се Мин, едва переступив порог, тут же выложил всё отцу. Его собственного влияния в чине командующего шестого ранга не хватало для достойной мести, и одними побоями он ограничиваться не желал — обидчики должны были запомнить этот урок навсегда.

Маркиз Се пришел в ярость. История с Лянь Инцзе и так оставила тяжелый след на сердце всей семьи; каждый чувствовал вину перед Се Нином за неудачный выбор жениха. Новое оскорбление стало последней каплей, переполнившей чашу их долгого терпения. Даже старшему сыну, Се Бо, находившемуся в Северном военном лагере, было отправлено письмо с известием о случившемся.

Хоу Юннин уже много лет не вмешивался в придворные дела, занимая в Военном ведомстве лишь почетную должность. Он редко посещал утренние приемы, предпочитая покой. Однако сегодня он поднялся ни свет ни заря и отправился во дворец с твердым намерением подать императору прошение и призвать к ответу отцов Ци Куана и его приятелей.

Вскоре после того, как маркиз уехал, к поместью прибыли слуги из домов Ци и графа Чаншэна. Они принесли несколько свертков с подарками, заявляя, что пришли просить прощения. Вчера, когда хозяйки этих домов прислали людей забрать своих непутевых сыновей из управы, Се Мин не стал их задерживать — его полномочий не хватало для ареста дворян. Ци Куан и остальные, вернувшись домой, побоялись рассказывать правду, опасаясь порки, и лишь невнятно пробормотали, что «случайно повздорили с людьми маркиза Се».

Их родные не придали этому значения: мол, подрались и подрались, дело молодое. Решили, что пары подарков и извинений через слуг будет достаточно, чтобы замять инцидент. Увидев, что вместо глав семейств к ним прислали простых слуг, матушка Се едва не задохнулась от возмущения. Посчитать её сына предметом для развлечения, а затем еще и так открыто насмеяться над их честью! Она немедленно приказала охране вытолкать визитеров взашей.

<http://bllate.org/book/15313/1354390>